

* *
* *
[24 февраля 1933 г., Рим]

(...) В последнем номере парижских «Современных записок» предпоследние главы Сашиних воспоминаний — ужасно жестоких по отношению к матери и двум братьям — Леве и Андрею¹. Не следовало этого всего печатать. Пусть бы было написано, но оставлено под спудом на многие года. Нет у Саши чувства перспективы и нет такта. Всегда это так было. Но пишет она талантливо. (...)

Датируется условно по почтовому штемпелю отправителя на конверте.

¹ Отдельные главы «Из воспоминаний» А. Л. Толстой печатались в «Современных записках» с 1931 по 1934 г. (Париж. Т. XLV—LII, LVI). В той части, которая появилась в I—III тт. в 1932 г., речь шла, главным образом, о недостойном поведении С. А. Толстой и братьев (Андрея и Льва) по отношению к отцу.

* *
* *
[11 июля 1933 г., Рим]

(...) Сашины воспоминания очень нехороши¹. Она часто неточна, неправдива в том, что она *умалчивает* обо многом, что показало бы мать в лучшем, а не в худшем свете. Отца она не только не защитила, но многие по ее запискам его осудили. Но написаны ее записки очень талантливо. К сожалению. Я ей не писала. Мы с ней слишком различно на многое смотрим.

О «Ежедневниках» мама я знала и постоянно их читала. В них может быть много интересного материала. О дневнике [19]10 г. я не знала. Знаешь — тяжело выставлять всю внутреннюю драму родителей наружу, но ... раз уж начали о ней писать и говорить — не следует, мож[ет] быть, ничего скрывать. Я думаю, что ты сумеешь беспристрастно осветить все положение. Мы с тобой потому могли правильно судить, что, во-первых, мы любили и мать и отца (чего нельзя сказать об остальных детях) и, во-вторых, потому, что для нас материальная сторона не имела значения. Конечно — мы оба заслуживаем одного упрека: это то, что мы недостаточно активно вмешались в махинации Черткова и Саши. В жизнь же родителей надо было вмешаться только для того, чтобы дать им стовориться между собой без всяких посредников и «отстранителей» отца от матери.

У меня есть тетрадь с выписками из разных полученных мною во время этой драмы писем. Я их тогда выписала, чтобы дать Саше прочесть. К сожалению, они без подписей и во многих я заменила «ты» местоимением «вы» и vice-versa² для того, чтобы она не угадала авторов. Я перепишу и пришлю тебе эти выписки. Но не раньше осени. (...)

Датируется условно по почтовому штемпелю отправителя на конверте.

¹ А. Л. Толстая восстановила события последних недель в Ясной Поляне. Здесь и подслушивания С. А. Толстой разговоров мужа с Чертковым, и цинизм в разговоре с дочерью об отце. В качестве примера приведем эпизод, мастерски воссозданный младшей дочерью Толстого на основании ее дневниковых записей:

«— Саша, ты говоришь, что я уморю отца, он уже умер для меня душой, а телесно мне все равно.

— Тебе все равно, а нам нет, пускай Таня и другие видят и знают, что ты с ним делаешь!

— А мне до вас дела нет!

— Так знай же, что нам не все равно! — закричала я, не помня себя от ужаса, обиды, гнева. — Мы, дети, не позволим тебе замучить отца до смерти!

— Бессильны, — с насмешливой злобой ответила она мне и вышла из комнаты». — См.: Толстая А. Л. Из воспоминаний//Современные записки... 1932. Т. I. С. 270.

² Наоборот (лат.).